

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

29–30 июня 2000 года в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) состоялась международная научная конференция "Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии", организованная по инициативе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при поддержке Правительства Республики Бурятия, Сибирского отделения РАН, Академии наук Монголии, Международного института кочевых цивилизаций (ЮНЕСКО).

В работе конференции приняли участие более 400 человек, в том числе ученые из Японии, Китая, Монголии, США, Венгрии, Польши, Турции, Украины, Кыргызстана, России.

В программе конференции было заявлено 285 докладов, работало 8 секций и 2 "круглых стола". Две секции были посвящены филологическим наукам: "Языки народов Центральной Азии" и "Фольклор и литература в духовном наследии народов Центральной Азии". Первая из них была одной из наиболее многочисленных. В ее работе приняли участие более 60 человек. Наряду с отечественными учеными из Улан-Удэ, Москвы, Кызыла в ее работе приняли участие исследователи из Монголии, Внутренней Монголии (Китай) и Японии. Всего было заявлено 47 докладов по различным языковым проблемам. Заслушано 15 докладов, 21 участник представили стендовые доклады.

На пленарном заседании конференции вниманию участников был предложен доклад И.Д. Бураева (Улан-Удэ) "Циркумбайкальский языковой ареал и образование бурятского языка". По мнению автора, за последнее тысячелетие различные группы алтайских языков претерпели самые неравномерные, а в определенных регионах интенсивные взаимодей-

ствия и взаимопроникновения. Что касается бурятского языка в семье монгольских, то это более широкий круг контактирования и взаимодействия языков алтайской общности. И.Д. Бураев вслед за В.М. Надежлевым связывает образование бурятского языка с циркумбайкальским ареалом и делает вывод, что его носители – аборигены этого края.

Всеобщий интерес вызвал доклад К. Танака (Япония), представившего оригинальный взгляд на языковую унификацию кочевых народов.

В докладе Л. Болда (Монголия), посвященном некоторым вопросам письменности у кочевых народов Центральной Азии, рассмотрены характерные особенности систем древнетюркской орхонской рунической письменности, древнеуйгурского и уйгуро-монгольского письма, проведено их сопоставление. При этом сделано очень интересное и важное наблюдение, согласно которому у всех этих систем письма прослеживается преемственная связь, выражающаяся в традиции передавать на письме однотипным способом твердые и мягкие согласные, сингармонирующие ряды гласных. Это открытие имеет большое значение для истории монгольской письменности.

Серия докладов посвящена лексике, семантикой своей связанной с кочевым образом жизни. Ц.Ц. Балжинимеева (Улан-Удэ) – "Пласт лексики, отражающий кочевой образ жизни бурят" – выделяет несколько тематических групп в лексике хори-бурят и агинских бурят, связанных с кочевым образом жизни: пять видов скота – основа скотоводческого хозяйства бурят, экстенсивный характер скотоводства, циклический характер кочевания бурят, распределение пастбищ, жилище бурята-кочевника, пища, утварь, одежда и т.д. Приводится анализ терминов, обозначающих процесс кочевания, с точки

зрения их образования и происхождения. Ц.Б. Базарова (Улан-Удэ) в своем докладе "Лексика национальной одежды агинского бурята-кочевника" показывает, как условия жизни и тип хозяйствования диктовали выбор материала и фасон для шитья одежды. По свидетельству автора традиционная одежда отражает духовное содержание национальной среды, представляющей высокие эстетические требования к одежде. О.М. Козина (Улан-Удэ) – "Отражение влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья" – рассматривает заимствования из бурятского языка в лексической системе старообрядцев Забайкалья. Система номинаций анализируется в рамках лингвогносеологии – как информация, отражающая результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека. Анализируя названия бурятских народных инструментов, Д.Д. Дондкова (Улан-Удэ) – "О музыкальной культуре кочевников (анализ названий бурятских народных музыкальных инструментов)", – делает попытку установить историю как происхождения в монгольском языке самих рассматриваемых слов, так и возникновения данных инструментов у монголов. Данный анализ четче освещает тесные культурные связи в области музыкальной культуры монгольских кочевников с соседним Китаем. В докладе В.В. Тэлина (Улан-Удэ) "Сравнительно-историческое изучение терминологии традиционного хозяйства бурят" в основном рассматриваются термины молочного ряда. Выявляются заимствованные тюркские термины, что объясняется тем, что монгольские народы в свое время, испытав сильное влияние тюрков, переняли у них разведение крупного рогатого скота. Работа Л.В. Шулуновой (Улан-Удэ) "Ономастика как источник этнической истории кочевых цивилизаций Центральной Азии" посвящена выявлению роли онимической лексики в исторических и этнографических исследованиях. На материале названий географических объектов Прибайкалья рассматривается этническая история бурят и взаимодействие бурятских племен с иноязычными этносами.

Новое освещение в исследованиях участников конференции нашли проблемы взаимосвязей монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков и письменностей. Доклад В.И. Рассадина (Улан-Удэ) – "О характере влияния тюркских языков на монгольские в разные эпохи" – посвящен проблеме тюрко-монгольских языковых взаимоотношений, очень

важной в рамках алтаистической теории, поскольку касается вопроса контактов этих языков, происходящих с разной степенью интенсивности в различные исторические эпохи, начиная с глубокой древности. Результатом этих контактов явились заимствования из тюркских языков в монгольские, выявленные на общемонгольском уровне, в древнемонгольском языке, средневековом монгольском, в современных монгольских языках, причем как в их ареалах, так и в отдельных языках и их говорах. Исключение этих явных тюркизмов позволит сузить круг общеалтайских элементов и сделать собственно алтаистические исследования более реальными. В докладе А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург) "Монгольская лексика в текстах-образцах малого чжурчженского письма" устанавливается и доказывается монгольское происхождение 32 чжурчженских слов, выявленных автором в текстах малого чжурчженского письма. Искажения в облике монгольских слов он объясняет несовершенством данного письма. Чжурчженскому письму посвящен также совместный доклад В.Д. Аткин и А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург) "К характеристике малого чжурчженского письма". В нем рассматривается вариативность написания слов в образцах малого чжурчженского письма, созданного в XII веке. Различные варианты написаний слов в материалах МЧП разделяются на несколько групп: немотивированные дублетные написания одних и тех же слов, варианты слов в словосочетаниях, оставшиеся без интерпретации, но являющиеся альтернативными написаниями известных слов, нарушение единообразия написания одной и той же морфемы, разные написания основ числительных и морфологических показателей числительных, ложные этимологические связи, порождающие квазиморфологические написания, и нарушение единообразного написания грамматических показателей. Доклад Д.Д. Доржиева (Улан-Удэ) "Старописьменные языки монгольских народов" посвящен истории старописьменного монгольского, старокалмыцкого и старобурятского языков и письменностей. Т.А. Козырев (Новосибирск) в своем докладе "Особенности лексики тюркских языков Южной Сибири (на материале лексико-семантической группы эмотивных глаголов)" рассматривает особенности состава и дистрибуции в тюркских языках Южной Сибири – алтайском, тувинском и хакасском – группы глаголов, выражающие эмоциональное состояние, обосновывает

сохранение в них древнетюркского состояния. Н.И. Л е т я г и н а (Санкт-Петербург) – "К изучению тувинской гидронимии" – исследует отаппелятивные основы наименований водных объектов в аспекте их лексических значений. На основании лексико-семантического анализа гидронимов в работе выявляются субстратные топонимы Саяно-Алтайского нагорья. Автор доклада "Консонантная структура звуковой цепочки монгольского языка как показатель его типологической близости к некоторым тюркским и монгольским языкам" Ю.А. Т а м б о в ц е в (Новосибирск) на базе фоностатистического анализа монгольских и тюркских языков, включающего анализ артикуляторных баз языков и частот встречаемости согласных и гласных, выявил звуковые мозаики языков. Их сравнение показало фоностатистические расстояния как между монгольскими языками, так и между монгольскими и тюркскими языками, что имеет определенное значение для исследования алтайской гипотезы. В своей работе "Центральноазиатско-северокавказские топонимические связи как этнографический и лингвогеографический факт" Х.Л. Х а н м а г о м е д о в (Махачкала) выделяет географические названия Северного Кавказа, аппелятивные основы которых восходят к монгольским языкам. На примере заимствований в топонимической лексике прослеживается история миграционных процессов на территории Евразии. Выявлению общего и частного в лексических пластах монгольских и тюркских языков, обозначающих части человеческого тела, был посвящен доклад Н у г и л т у (Хухэ-Хото, Китай) "The search and analysis of the apparatus of human body in turkish and mongolian". А.Ж. Ш е р и е в (Ош) – "Лексические параллели в кыргызском и монгольском эпосах" – рассматривает лексемы, общие героическим эпосам киргизского и монгольского народов, таким как "Манас", "Гэсэр" и "Джангар". В частности, охвачены следующие пласты лексики фольклора: антропонимы, термины государственного и социального устройства, оценочная лексика и термины родства. Доклад Ж.Б. Б а д а г о в а (Улан-Удэ) "Дагурско-бурятские языковые связи" рассматривает возможность таких связей, которые могли иметь место в рамках отдельной общности после распада общемонгольского праязыка. Автор обращает внимание на наиболее характерные сходные элементы в данных языках. Сходства выявлены на всех уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии и лексике. В докладе Б. Д а в а а д а г б ы

(Хухэ-Хото, Китай) "Тюрк, монгол хоер хэлэнэй хамтын элементһээ" речь идет о наличии общих лексических и морфологических элементов в монгольских и тюркских языках. В частности, суффикс *-аалин*, *-ээлин*, *-оолин* имеет тюркскую параллель в тофаларском языке: *-аалын*, *-ээлін*. Как в тюркских, так и в бурятском языках он выражает обобщенную совокупность и является свидетельством древних контактов тюркских и монгольских народов.

Языку памятников письменности народов кочевых цивилизаций также посвящена серия докладов. Характеристике сочинения "Улигер-ун далай" ("Море притч"), которое печаталось до революции в дацанах и пользовалось большой популярностью среди бурятского населения, посвящено сообщение Ц.О. Б а л с у н а е в а и Л.Д. Ш а г д а р о в а (Улан-Удэ) «"Улигер-ун далай" как отражение нравственной культуры степных кочевников». В нем в художественной форме раскрываются этические воззрения буддизма, направленные на воспитание в мирянах высоких нравственных качеств. Набожные кочевники искренне верили в истинность учения Будды о перерождениях, карме и в своей повседневной жизни стремились строго соблюдать заповеди Благословенного, ставшие основой формирования нравственной культуры степных кочевников. Особенностям синтаксиса бурятских летописей посвящен доклад Л.Б. Б а д м а е в о й (Улан-Удэ) "О специфических синтаксических конструкциях бурятских летописей". Материалом для доклада послужили бурятские исторические летописи на старомонгольской письменности конца XIX – начала XX века. Автор отмечает, что синтаксису данных произведений присущи все основные типы предложений, бытующие в монгольских языках, однако наиболее характерной особенностью является наличие в них длиннейших конструкций, которые она называет сложными синтаксическими комплексами. В сообщении Ю.Д. Б а д м а е в о й (Улан-Удэ) «Система наклонений в языке "Сокровенного сказания монголов" в сопоставлении с бурятским языком» анализируется грамматическая категория наклонения в языке древнего памятника письменности средневековой Монголии. Прослеживается развитие данной категории во времени, особенности ее функционирования в современном бурятском языке. Данный памятник письменности является объектом исследования еще двух авторов: М. С у м ь - я б а т о р а (Улан-Батор, Монголия) «Не-

которые итоги изучения "Сокровенного сказания монголов"» и Э.А. Тумахани (Улан-Удэ) «Особенности синтаксиса языка "Сокровенного сказания монголов"». В частности, первый затрагивает два аспекта: 1) варианты транслитерации монгольских слов в различных копиях памятника, в том числе и на квадратном письме; 2) изучение способов передачи средневекового монгольского языка китайскими иероглифами с учетом особенностей лексического состава памятника, представленных в нем словоформ и их слоговой структуры, дистрибуции слогов. Э.А. Тумахани рассматривает синтаксические явления, нехарактерные для современных монгольских языков: явление синтаксического согласования, широкое употребление древних форм в разных словосочетаниях, особые способы выражения членов предложения. Т.Б. Цыренова (Улан-Удэ) – "Становление системы деепричастных форм в доклассическом монгольском языке" – исследует особенности становления деепричастных форм на материале древних и средневековых монгольских языков.

Ряд докладов были посвящены современным проблемам монгольских и монгольского языков. В докладе Бадарч Баярсайхан (Кызыл) "Монголын Алтайн тувачуудын хэлний эгшиг авианы онцлог" рассмотрены особенности состава гласных фонем начальных, средних и конечных слогов монгольских по происхождению слов в языке тувинцев Цэнгэльской сомона Баян-Улзэгийского аймака Монголии в сопоставлении со старописьменным монгольским языком и с современным монгольским и бурятским языками. Анализ показал, что в тувинском языке сохраняются все особенности состава гласных этих слов, присущие монгольским языкам. Автор доклада Д.Бурнээ (Улан-Батор, Монголия) "О тибетско-монгольском слове Лувсанринчена (Ринчена Номтоева)" делает попытку определить лексикографическую ценность данного словаря. Он делает вывод, что словарь Лувсанринчена внес большой вклад в развитие не только лексикографической традиции монголов, но и в развитие монгольской переводческой мысли. В последнее время отдельными историками и лингвистами высказываются идеи о возврате к старомонгольской письменности. По мнению У.-Ж.Ш. Дондукова (Улан-Удэ) – "К вопросу о перспективах становления общемонгольского письменного языка" – данная затея обречена на неудачу. Автор выступает за то, чтобы развивать единый общемонгольский лите-

ратурный язык на основе кириллицы и с ориентацией на халха-монгольский язык. Анализ географических названий монгольского языка, проведенный О.Ф. Золотовой (Улан-Удэ) – "Отражение реалий в географических названиях (на примере топонимов монгольского языка)" – свидетельствует о том, что топонимикон может служить языковой моделью окружающего мира. Установлено, что топонимы обладают широким тематическим охватом, оказываются регистраторами различных реалий среды. Рассматривая функционирование онимов, Л.Ю. Коженикова (Улан-Удэ) – "Функции онимов в художественном тексте" – выделяет их на трех лингвистических уровнях: языковом, речевом и собственно ономастическом. На этих уровнях она отмечает следующие функции онимов: номинативная, грамматическая (на языковом уровне), апеллятивная, коммуникативная, экспрессивная, дейктическая (на речевом уровне), делимитативная, дескриптивная, социальная функция (на специальном ономастическом уровне). Именно собственным также был посвящен доклад Е.В. Сундуевой (Улан-Удэ) "Онимизация предикативных конструкций в современном монгольском языке". В частности, она отмечает, что при онимизации целых предложений они теряют свою предикативность и в своем новом качестве предикативная конструкция денотирует конкретный предмет и функционирует в качестве одного члена предложения. Доклад С.М. Трофимовой (Улан-Удэ) "О статусе некоторых падежей в монгольских языках" посвящен вопросу о статусе падежа основы и именительного, двух винительных – оформленного и неоформленного, которые продолжают вызывать споры и до сих пор остаются нерешенными в монголо-ведении.

Проблемы современного бурятского языка являются объектом изучения ряда исследователей. Ю.Д. Абаева (Улан-Удэ) – "Принципы классификации частных значений императива в бурятском языке" – анализирует принципы классификации частных значений императива на базе эксплицитно заданных признаков. На основе сочетания трех бинарных классификационных признаков выделяется шесть частных значений: приказ, инструкция, разрешение, просьба, предложение, совет. Акты побуждения делятся по интенсивности выражения волеизъявления и могут быть интерпретированы через оценочные высказывания. Целью исследования Л.Д. Бадамова (Улан-Удэ) "Некоторые проб-

лемы семантики бурятской медицинской терминологии" является семантическая характеристика бурятской терминологии на примере медицинской, выделение в ней тематических разделов и рассмотрение лексико-семантических процессов. Н.Б. Д а р ж а е в а (Улан-Удэ) – "Содержательная интерпретация бурятских сложноподчиненных предложений с дисциplinальными союзами" – впервые в бурятоведении приняла попытку подобной интерпретации. В результате ею выделены два типа сложноподчиненных предложений: 1) с синсемантическим (информационно несамодостаточным) опорным словом в главной предикативной единице; 2) с автосемантическим (информационно самодостаточным) опорным словом. Синтаксису также посвящено сообщение Д.С. Д о р ж и е в о й (Улан-Удэ) "К описанию моделей простого предложения в бурятском языке (предложение с именным сказуемым)". Ею в предварительном порядке выявлено восемь моделей простого предложения с именным сказуемым. В докладе Ж.Д. Д о р ж и е в о й (Улан-Удэ) "Некоторые вопросы и перспективы развития бурятской этнолингвистики" были представлены перспективы нового направления в бурятском языкознании, сформулированы цели и основные задачи, изложены возможные пути их решения. Кризисному положению бурятского языка посвящены два доклада: Г.А. Д ы р х е е в о й (Улан-Удэ) "Положение бурятского языка в Бурятии" и О.М. Х у б р и к о в а (Улан-Удэ) "Современный бурятский язык: состояние и тенденции развития". Автор первой отмечает, что принятие закона "О языках народов Республики Бурятия" не изменило в корне ситуацию, хотя можно сказать, что произошел психологический сдвиг в сознании людей, о чем, например, свидетельствует тот факт, что в настоящее время все меньше противников внедрения бурятского языка как предмета обучения в городских школах

и садах. Актуальной также остается проблема с бурятским литературным языком, назрела необходимость разработки Концепции языковой политики в области бурятского литературного языка. О.М. Хубриков также констатирует, что пока бурятский язык не соответствует рангу государственного, многие статьи законопроектов и постановления не исполняются. Значительные изменения в основном произошли в сфере образования. Доклад С.Л. Ч а р е к о в а (Санкт-Петербург) "Две функции суффикса -л в бурятском языке" посвящен очень важной в теоретическом аспекте грамматики теме разграничения словообразовательной функции самого активного и распространенного в монгольских языках суффикса -л, имеющего как именную, так и вербальную валентности. Автор предлагает свою гипотезу развития данного суффикса сначала как глаголообразующего, затем появления у него вторичной функции образования имен от глагольных основ.

Заслушав и обсудив доклады, секция приняла ряд рекомендаций, касающихся дальнейших совместных разработок лингвистов, занимающихся вопросами монголоведения, в целом алтайской компаративистики. Конференция "Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций" явилась одной из серии научных мероприятий, проводимых Сибирским отделением РАН и Академией наук Монголии. В дальнейшем сотрудничеству между научными учреждениями разных стран в области изучения истории и культуры народов Центральной Азии предполагается придать более широкие масштабы. Организация совместных комплексных экспедиций, научные командировки, обмен информацией – эти и другие формы сотрудничества поднимут на более высокий уровень решение задач, стоящих перед исследователями Центральной Азии.

Г.А. Дырхеева (Улан-Удэ)

27–29 сентября 2000 года в Силезском университете г. Катовице (Польша) состоялась очередная, четвертая конференция Международной комиссии по славянскому словообразованию. В работе комиссии приняли участие ученые из Австрии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Польши, России, Сербии, Словакии, Франции, Чехии.

На церемонии открытия конференции, проходившей в зале "Парнассос" Силезской воеводской библиотеки, профессору И.С. Улуханову, председателю комиссии, был торжественно вручен сборник материалов инсбрукской конференции, посвященный ему в связи с юбилеем.

На заседаниях комиссии обсуждались проблемы взаимоотношений словообразования с другими способами номинации, прежде всего с семантической деривацией и заим-

ствованием. Ряд докладов был посвящен методике анализа различных единиц номинации, характеристике терминов, используемых в теории номинации, грамматическому, синтагматическому и парадигматическому параметрам единиц номинации, исследованию понятийных структур номинативных единиц.

Е.С. К у б р я к о в а (Россия) в докладе "О месте производного слова среди других единиц номинации" охарактеризовала предложенные ею процедуры выделения и сопоставления номинативных рядов, объединяемых на основе отнесения их членов к описанию/обозначению одной и той же ситуации или объекта. Сопоставлению были подвергнуты как единицы одного и того же номинативного ряда, так и совокупности рядов, представленные в различных языках.

В докладе А. Нагурко (Польша) "Номен, номинация, номинализация" были проанализированы термины, указанные в его заглавии. Сопоставляя термины "номинация" и "номинализация", А. Нагурко отметила, что номинация является психолингвистическим актом, в котором существенное значение имеет аперцепция; продуктивность механизма номинации связана со структурой когнитивной системы. Номинализация является вторичным действием в тексте, однако эта операция не является чисто формальной, поскольку приводит к разному профилированию данного фрагмента действительности.

К. Б у з а ш и о в а (Словакия) в докладе "Синтагматический и парадигматический параметры единиц номинации" поставила вопрос о способах разграничения номинаций текста и номинаций лексикона. Справедливо считая, что частотность слова не является достаточно надежным критерием для включения или невключения данного слова в словарь, при определении статуса номинативной единицы, К. Бузашиова исходила из того, что в процессе возникновения нового наименования или нового значения наименования в тексте актуализируются комплексные словообразовательные единицы, выражающие парадигматические отношения в словообразовательной системе.

А. Л у к а ш а н е ц (Белоруссия) рассмотрел возможности привлечения грамматических параметров мотивирующего и мотивированного слов для описания и систематизации словообразовательной семантики, а также для выявления грамматических границ реализации словообразовательных формантов. На материале белорусских существительных с формантом -к(а) была продемонстрирована целесообразность раз-

граничения омонимии и полисемии словообразовательных аффиксов с учетом грамматических параметров. Грамматические параметры при образовании составных местоимений (взаимодействие систем частей речи – местоименных и знаменательных слов) принимались во внимание О.П. Е р м а к о в о й (Россия).

О примате семантики над формой в процессе образования славянских глаголов говорила в своем докладе Е.В. П е т р у х и н а (Россия). Предметом ее исследования было содержание понятий, передаваемых русскими, болгарскими и западнославянскими глаголами различных семантических групп, как правило многозначными. Е.В. Петрухина предложила анализировать эти глаголы с учетом правил инференции, исходя из регулярных комбинаций смыслов и общеславянских словообразовательных моделей.

Основная цель исследования, проведенного К. В а ш а к о в о й (Польша), заключалась в том, чтобы установить, как новообразования, появившиеся в последнее десятилетие в польском языке, понимаются его носителями, в какой степени словообразовательная структура помогает понять значения новообразований. Эти вопросы рассматривались в русле когнитивной семантики, применялись понятия "членимость" и "композиционность", анализировались понятийные структуры новообразований.

Значительное число докладов, прочитанных на заседаниях Комиссии, было посвящено проблемам синонимии и антонимии мотивированных слов, особенностям синонимических отношений, которые возникают между номинативными единицами различных уровней языка.

В докладе И.С. У л у х а н о в а (Россия) "Мотивированное слово в синонимическом ряду" были рассмотрены отношения между немотивированными и мотивированными синонимами – разнокоренными и однокоренными. Определены особенности разнокоренных синонимов, один из которых – мотивированное слово, другой – а) немотивированное слово; б) устойчивое сочетание. Описаны отношения непосредственной и опосредствованной мотивации между однокоренными синонимами.

Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка были проанализированы в докладе И.Г. М и л о с л а в с к о г о (Россия). Рассматривая русские предиктные имена, характеризующие лицо,

и наименования, отличающиеся от данных имен только одним семантическим компонентом, он доказывал, что анализ таких предикатных имен должен быть многоуровневым.

О. М а р т и н ц о в а (Чехия) анализировала в своем докладе синонимические и антонимические отношения, в которые вступают неологизмы в современном чешском языке, особое внимание уделив синонимии производных слов, обусловленной синонимией словообразовательных формантов.

Анализируя приемы русского поэтического словотворчества, В.Н. В и н о - г р а д о в а (Россия) выявила особенности синонимических отношений, которые возникают между индивидуально-авторскими определениями-прилагательными и определительными конструкциями, свойственными общелитературному языку. Установлено, что определительные конструкции, вступая в синонимические отношения с определениями-прилагательными, способствуют "приращению смысла" последних, часто их метафоризации.

Типы и способы номинации рассматривались в докладах Б. Крея, Х. Кальба, А. Никитевича, Б. Тошовича. Б. Крея (Польша) анализировал проблемы комплективирующей (заполняющей) мотивации в польском языке, особое внимание уделив вопросу о механизме заполнения, комплектации словообразовательной парадигмы. Предметом исследования Х. К а л ь б а (Австрия) были способы номинации в сербском и хорватском языках, различия между этими языками на словообразовательном уровне. А. Н и к и т е в и ч е м (Белоруссия) были изложены результаты исследования, ориентированного на описание словообразовательных гнезд русских глаголов в их взаимодействии с деривационно родственными конструкциями более высокого уровня, на материале русских глаголов были рассмотрены различные типы аффиксации во взаимодействии с несловообразовательными типами номинации. Проблеме повторной номинации в словообразовании было посвящено выступление Б. Т о ш о в и ч а (Австрия). Под повторной номинацией в словообразовании им понимается образование слов путем соединения двух корней (основ) одной части речи.

Взаимодействию словообразовательной мотивации с другими типами мотивации, а также проблеме лексикализации производных слов были посвящены доклады Ю. Фурдика, И. Онхайзера, М. Пастуховой, А. Яновской. В докладе Ю. Ф у р д и к а (Словакия) были проанализированы особенности

взаимодействия словообразовательной мотивации с разными типами лексической мотивации. Выявлены следующие типы лексической мотивации: 1) основная: а) элементарная, б) специализированная; 2) дополнительная: а) прагматическая, б) внешняя. О разных типах соотношения опосредствованной словообразовательной мотивации и мотивирующих парафраз у сходных по структуре русских, польских и чешских абстрактных существительных говорилось в докладе И. О н х а й з е р (Австрия). В докладе А. Я н о в с к о й (Польша) были рассмотрены особенности семантики слов с метафорической мотивацией, проанализирована семантика и структура фразеологических сочетаний, выступающих в роли производящих основ в современном польском языке. Выделены два способа "стягивания" идиом в одно производное слово, охарактеризованы дериваты – сложения и сращения – опорными компонентами которых являются фразеологизмы. М. П а с т у х о в а (Польша) исследовала направление лексикализации словообразовательных структур в польском языке, в ее докладе были проанализированы лексикализованные существительные с тем, чтобы показать факторы, способствующие лексикализации: фонетические изменения, изоляция формантов, утрата мотивирующих слов.

О взаимозависимости между словообразовательными процессами различных типов и видами лексических объединений говорилось в докладах Д. Гортан-Премк, З.А. Харитончик. Анализируя референциальную значимость дериватов различной структуры, Д. Г о р т а н - П р е м к (Югославия) указала на необходимость семантического анализа дериватов с разной словообразовательной структурой, входящих в одну и ту же лексико-семантическую группу. Сходные мысли были высказаны З. Х а р и т о н ч и к (Белоруссия), которая в своем докладе "Лексические поля и процессы номинации" показала, что существует корреляция между транспозиционной, модификационной или мутационной природой регулярного словообразовательного процесса, типом словообразовательной модели и видом лексических объединений.

Проблеме влияния процесса заимствования на словопроизводство в языке-реципиенте были посвящены доклады Е.А. Земской, К. Клещовой, Е.И. Коряковцевой, Л. Селимского. Анализируя функции словообразования в языке русского зарубежья, характер заимствования производящих основ и словообразовательных формантов, Е.А. З е м с к а я (Россия) вы-

делила несколько типов слов-гибридов, широко используемых в речи эмигрантов, отметила как наиболее активные экспрессивную и номинативную функции словопроизводства. Характеризуя в своем докладе роль заимствования в преобразовании словообразовательной системы польского языка, К. К л е щ о в а (Польша) рассмотрела те явления и тенденции, возникновение которых объясняется воздействием иноязычных производных и непроизводных слов (тенденция к дополнительной семантизации структур, активизация префиксального именного словообразования, изменение характера глагольной перфективации, распространение квази-дериватов и др.). Изложив результаты наблюдений над эволюцией глаголов с заимствованными основами и имен действия с заимствованными формантами в истории русского языка, Е.И. К о р я к о в ц е в а (Россия) проанализировала условия влияния заимствованных гибридов на развитие исконных словообразовательных типов и на перестройку словообразовательных категорий, включающих в свой состав словообразовательные типы с продуктивными формантами иноязычного происхождения. В докладе Л. С е л и м с к о г о (Болгария) были проанализированы особенности процесса калькирования, определен статус калек в словообразовательной системе болгарского языка, предложена методика их анализа в синхронном и диахроническом аспектах.

Синхронно-диахроническому анализу были подвергнуты отдельные словообразовательные процессы и явления в докладах

Г.П. Не щ и м е н к о, М. Феррана, С. Менгель. Г.П. Н е щ и м е н к о (Россия) были указаны причины активизации всех видов словообразования в языке публичной коммуникации в последнее десятилетие. Установлено, что основными причинами являются: 1) необходимость максимального насыщения компактно выраженной информацией коммуникативных каналов, 2) усиление влияния разговорного языка. М. Ф е р р а н (Франция) изложил результаты сопоставительного синхронно-диахронического исследования русских глагольных приставок и изоморфных предлогов, проследив развитие их значений в истории русского литературного языка. В докладе С. М е н г е л ь (Германия) анализировались особенности словообразовательных и номинативных структур в переводах церковных песнопений с немецкого языка на русский, которые были сделаны священником С. Тодорским в Халле в 1729–1735 гг.

В своем заключительном выступлении председатель Комиссии И.С. Улуханов от имени всех присутствующих поблагодарил К. Клещову, профессора Силезского университета, за прекрасную организацию работы Комиссии, заседание которой проходило в творческой атмосфере.

Тексты докладов, прочитанных на четвертой конференции Международной комиссии по словообразованию, будут опубликованы издательством Силезского университета в 2001 году в виде сборника под заглавием "Słowotwórstwo i inne sposoby nominacji".

Е.И. Коряковцева (Москва)

30 января – 2 февраля 2001 г. в Институте славяноведения РАН прошла международная конференция "Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст". Конференция была организована лингвистами из Института славяноведения, которые и приняли в ней наиболее активное участие: так, из семнадцати сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института (руководитель – Т.М. Николаева) в конференции приняли участие четырнадцать человек, включая авторов присланных тезисов, а из десяти сотрудников Отдела этнолингвистики и фольклора (руководитель – С.М. Толстая) – пять человек.

Для участия в конференции в Москву были приглашены исследователи не только

из многих городов России (Санкт-Петербурга, Краснодара, Екатеринбурга, Калининграда), но и из Литвы, Украины, Чехии, Франции, Италии, Австрии, Канады. К конференции был издан двухтомный сборник тезисов, число авторов которых заметно превышало число участников, выступивших с докладами. Среди исследователей, приславших тезисы, но по ряду причин не выступивших на конференции, – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, А.Б. Пеньковский, А.А. Гиппиус, Т.В. Топорова, С.Л. Иванова, М.А. Дмитриевская, О.Г. Ревзина, Л.Г. Невская, А.В. Юдин.

Во вступительном докладе, открывшем первое заседание, Т.М. Н и к о л а е в а (Москва) подчеркнула, что сама идея проведения конференции возникла у Организационного комитета (Т.М. Николаева – председатель, Т.В. Цивьян, С.М. Толстая) в

связи с рядом исследований, появившихся в последние годы. Это и работы В.Н. Топорова о семантической ауре и возможной интерпретации некоторых имен, значимых для русской культуры, и идеи известной французской исследовательницы Ф. Бадер о необходимости разгадать потаенную герменевтику имен древних правителей, и, наконец, появление интересных книг о существовании, развитии и угасании особого семантического ореола вокруг некоторых имен – наиболее показательным примером здесь можно считать монографию А.Б. Пеньковского об имени *Нина*.

По словам Т.М. Николаевой, одной из основных задач конференции было понять, чем отличается неясная, но несомненная семантика имени собственного от семантики так называемых предметных имен, к настоящему времени уже достаточно полно и детально описанной рядом семантических школ – при этом уникальность конференции состояла в том, что ее нельзя было назвать ни ономастической, ни этимологической, ни описывающей формальные структуры, в традиционном понимании. На рассмотрение участникам конференции были предложены следующие темы:

I. Герменевтика имен – древние свидетельства;

II. Имя в контексте общей теории;

III. Библийские имена и традиционная культура;

IV. Между именем и безымянностью, между именем собственным и нарицательным;

V. Имя в художественном тексте;

VI. Судьба имени в тексте;

VII. Имя в традиционной культуре.

В большинстве докладов, прочитанных по теме **"Герменевтика имени – древние свидетельства"**, речь шла о размытости грани между именем и именованием в древних традициях. Т.Я. Елизаренкова (Москва) рассказала об имени в "Ригведе". Постоянные эпитеты богов, выступающие в роли их собственных имен (например, 'щедрый' – *maghāvan* – эпитет Индры и одно из его имен), а также употребление имен некоторых мифологических персонажей в качестве нарицательных существительных (*agni* – 'огонь, костер', *mitrá* – 'договор, друг' и т.д.) позволили исследовательнице сделать вывод об отсутствии твердой границы между именами собственными и нарицательными в "Ригведе".

Т.А. Михайлова (Москва) выступила с сообщением о женском персонаже,

обозначенном в древнеирландских нарративных текстах как *Этайн/Этне*. По словам докладчицы, все персонажи, названные в ранней традиции таким образом, не имели собственного имени, но лишь кодировались особым и м е н о в а н и е м, которое указывало адресату текста на их сверхъестественную природу. Само же именование *Этайн*, как полагает исследовательница, развилось из сложения дейктических основ: **an-i-an-* ("та-вот-та", "вот-та") – в кельтских языках это явление считается достаточно распространенным.

Отсутствие четкой границы между собственными и нарицательными именами в текстах, связанных с мифологической традицией, подчеркивалось и в докладе А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского (Москва) о роли имени в организации и разрушении мифа. Рассмотрев "Младшую Эдду" как памятник, отражающий встречу мифологического и немифологического мышления, авторы доклада показали, что имя собственное является здесь средством приравнять божество к человеку, свести мифологическую историю к истории человеческой. Именно вопрос о том, божество или человек скрываются за именами собственными в данном памятнике, был определен исследователями как один из центральных в "Младшей Эдде".

Двухкорневые антропонимы как те к с т ы и с ю ж е т ы в балтийских языках стали темой сообщения С. В а л я н т а с а (Шауляй). В докладе был рассмотрен корпус личных имен, отражающих фрагменты индоевропейской героической поэзии – круг тем, свойственных индоевропейскому представителю "второй функции" (по Ж. Дюмезилу): война, борьба, войско, власть и т.д.

Имена собственные в истории языкознания и в современных лингвистических концепциях стали предметом обсуждения участников конференции, рассказавших об именах **"в контексте общей теории"**. А.В. Ц и м м е р л и н г (Москва) сделал доклад об именах собственных как логико-семантических функциях в теоретических моделях Дж.Ст. Милля, Е. Куриловича, А. Гардинера, М.И. Стеблина-Коменского, Б. Рассела и С. Крипке, а темой сообщения Е.В. В е л ь м е з о в о й (Москва) стали имена собственные в ряде эволюционистских концепций начала века.

Доклад Н.Н. Запольской (Москва) был посвящен собственным именам библийских персонажей в славянских грамматических трактатах XIV–XVII вв. Исследовательница показала, что

при установках дидактического характера авторами грамматик выбирались библейские имена-образцы (ср. нем. *das Muster*). В ходе же исторического развития библейское антропонимическое пространство постепенно переосмысливалось в историческое, а затем и в бытовое — что не могло не повлечь за собой и понижение статуса соответствующих имен (*Петр — Петья — Петька* и т.д.).

Н.Г. Брагина (Москва) рассказала об анализе имен лиц, включающихся в общественную культурно-языковую память в определенной референтной соотносительности с рядом культурных концептов.

К сопоставительному анализу антропонимов в русском и болгарском языках обратились московские исследователи Т.Н. Молошная и Г.И. Шатуновский. В первом докладе рассматривались личные имена с суффиксами субъективной оценки, а во втором — возможности употребления собственных имен с неопределенными местоимениями в русском и болгарском языках.

Возможность сохранения образа как конкретно-чувственного представления в семантической структуре имен собственных стала темой сообщения М.Э. Рут (Екатеринбург).

Б. Тошович (Грац) сделал доклад о процессе рассеивания семантики имени при превращении его в глагол: это явление было названо исследователем дисперсией имени в глаголе.

О некоторых выявляемых современными исследователями особенностях антропонимической системы русского языка, отличии ее от систем других европейских языков и значений этого для межкультурной коммуникации рассказала Л. Сальмон (Болонья).

Большая часть сообщений была посвящена именам собственным в художественных текстах, а также судьбе и эволюции имен в культуре.

И. Фужерон (Париж) и Н.В. Васильева (Москва) избрали темой своих докладов авторский выбор между именем и безымянностью как выражение определенной позиции, занимаемой писателем по отношению к персонажам. В первом сообщении было проанализировано несколько рассказов В. Гроссмана, а во втором — творчество М. Кундеры. Об имени и значимом его отсутствии шла речь и в докладе Н.В. Злыдневой (Москва) об эволюции отношения имя/подпись художника.

Доклад Е.А. Яблокова (Москва) был посвящен имени *Роза* в творчестве А. Платонова, Н.Н. Перцова (Москва) рассказала о нескольких типах антропонимов в словотворчестве В. Хлебникова, а М.-А. Палини (Рим) обратилась к игре З. Гиппиус-критика с псевдонимами.

Т.В. Цивьян (Москва) сделала сообщение о некоторых принципах выбора имени в художественном тексте. Для иллюстрации своих теоретических построений исследовательница приводила многочисленные примеры из произведений Н.В. Гоголя, к антропонимическому пространству которого обратилась и К. Соливетти (Рим).

Интересная схема возможного анализа имени в художественном повествовательном тексте была предложена О.Е. Фроловой (Москва), применившей ее для описания антропонимов в прозе А.С. Пушкина.

Несколько докладов было посвящено семантической истории имен в русской культуре. Так, Т.М. Николаева рассказала об аксиологии имен *Вера*, *Надежда* и *Любовь*, а Е.В. Душечкина (Санкт-Петербург) — об имени *Светлана* и эволюции его культурных коннотаций. Авторы обоих сообщений подчеркнули факт постепенного понижения аксиологии соответствующих имен в отечественной культурной традиции: поэтическая *Светлана* — героиня известной баллады В.А. Жуковского — в наши дни превратилась в вульгарную и необразованную *Светку*, а "милая, добрая хорошая" *Любовь* (А.П. Чехов), *Любовь* — "прекрасная дама" (А.А. Блок) — в *Любку*, подобно тому, как таинственная *Нина*, царившая в русской литературе первой половины XIX века (см. упоминавшееся выше исследование А.Б. Пеньковского) — в песенную *Нинку*. Конечно, как подчеркнула Т.М. Николаева, в ту или иную эпоху аксиология имени определяется множеством разных факторов, однако найти объяснение очевидному снижению статуса имен *Светлана*, *Любовь*, *Нина* и т.д. в современной России пока нелегко.

Имя как эмблема в литературной полемике об историческом и культурном пути России, охватившей русское интеллектуальное общество начала XIX в. ("карамзинисты" против "шишковистов") стало темой доклада Л.О. Зайонц (Москва).

Сообщение Т.Н. Свешниковой (Москва) было посвящено анализу собачьих кличек, представленных в отечественных

каталогах собачьих выставок за несколько последних лет.

Многие участники конференции избрали темой докладов **имена в традиционной народной культуре**. В целом ряде сообщений речь шла о магии имени, имянаречения и социальной функции имени в народной культуре. В докладе об "ономастической магии" в славянской традиции С.М. Толстая (Москва) выделила несколько ритуальных функций имени, совпадающих с назначением соответствующих магических ритуалов. Как подчеркнула исследовательница, все эти функции (благопожелательная, защитная, "отгонная" и злокозненная) в принципе могут осуществляться любыми именами, однако имеется и особая категория "магических имен", отличающихся в данном случае повышенной эффективностью. Это "семантические" имена, заключающие магические свойства в своей языковой форме; "странные" (редкие и уникальные) имена; "прецедентные" имена — имена, принадлежавшие какому-либо конкретному лицу из родственного или более широкого окружения ребенка, или же имена лиц, имевших высокий престиж в глазах социума; и наконец, "мертвые" имена, имена умерших членов семьи или рода.

Повествованием о значимости выбора имени для новорожденного в болгарской традиции был посвящен доклад И.А. Седяковой (Москва). В народных представлениях имянаречение связывается с желанием продолжения рода, с "культом" крестных родителей, с почитанием христианских святых и церковных календарных праздников. В связи с этим докладчица выделила три основных мотива, раскрывающих значимость имени в архаической картине мира болгар: выбор имени равнозначен выбору судьбы; следование определенным традиционным правилам выбора имени поощряется и приносит носителю имени удачу, тогда как несоблюдение правил без выполнения при этом надлежащих ритуальных действий отрицательно влияет на ребенка и даже может вызвать его смерть.

Используя богатый материал календарной обрядности, М.М. Валенцова (Москва) рассказала об употреблении личных имен в функции апеллятивов.

С.Е. Никитина (Москва) выступила с докладом об именах духовборцев и молочан. Как было подчеркнуто в докладе, духовборцы, независимо от возраста, до сих пор называют друг друга только уменьшительными именами, которые являются зна-

ками принадлежности к "большой семье" одного тесного социума. В то же время, полные имена без отчеств (практически все — традиционно православные) кажутся духовборцам грубыми и неуважительными — что можно считать своеобразной перверсией, по сравнению, например, с привычками большинства жителей современной России. В отличие от духовборцев, молочане часто дают детям и библейские имена. При этом многие американские молочане среднего и молодого поколения имеют два имени: одно ("американское") — для профанной жизни, а другое ("русское") — для духовного общения.

В сообщении Е.Е. Левкиевской (Москва) речь шла о сохранении корпуса имен христианских святых у восточных славян в XX веке, когда эти имена стали элементом исключительно устной традиции. При этом соответствующие православные тексты подвергались значительным изменениям, а имя клишировалось и переводилось из сакрального кода в материальный. Этот процесс сопровождался возникновением новых текстов о наиболее известных святых, где их имена переосмысливались с точки зрения иных культурных контекстов. При этом реальные исторические лица часто могли связываться с персонажами легенд и преданий через посредство имен (император *Николай II* / *Св. Николай Чудотворец* и т.д.), что влекло за собой зарождение новых легенд и мифологем.

Несколько докладов было посвящено анализу имени в текстах народной культуры.

Л.Н. Виноградова (Москва) выступила с сообщением о личных именах в демонологических поверьях славян. В частности, докладчица подчеркнула, что называние по имени как один из способов номинации мифологических персонажей в демонологических верованиях свидетельствует прежде всего об антропоморфизации обозначенных образов. Этот феномен может быть связан, с одной стороны, с характерным для архаического мышления стремлением перенести человеческие свойства на объекты окружающего мира, а с другой — с представлениями об инкарнации душ умерших людей. Докладчица рассказала и об интересных примерах использования имен собственных как охранительного средства.

В центре внимания А.А. Плетьевой (Москва) стоял вопрос о языке лубка, вплоть до настоящего времени не изученный лингвистами в должной степени. Как показала докладчица, употребление

имен собственных в лубочной традиции может многое сообщить о представлениях читателей лубка о мире и истории, сам же мир лубка, по сути, оказывается таким же секуляризованным, как мир народной культуры и литературных традиций.

О семантике имени и сюжете в агиографии рассказала М.С. В л а д ы ш е в с к а я (Москва). Проанализировав имена персонажей, варьирующиеся в различных версиях "Жития св. Георгия" и "Чуда о св. Георгии и Змии", исследовательница связала данные сочинения с рядом раннехристианских памятников — сочинений эсхатологического характера (таких, в частности, как Апокалипсис и "Пистис София"). Тем самым было показано первостепенное значение семантики имени в агиографии для выявления историко-литературных корней сюжета.

Темой сообщения О.В. Беловой (Москва) стали имена собственные в полесских этимологических легендах на библейские сюжеты, а также в связанных с ними народных поверьях. Исследовательница отметила, что введение новых, не ожидаемых заранее имен в народные "библейские" легенды далеко не всегда является простой случайностью. Напротив, этот феномен свидетельствует о сложной синкретической структуре "фольклорной Библии", где одни сюжеты тесно связываются с другими, а этиологические легенды соотносятся с областью календарных верований или обрядовой ритуальстики.

А.Л. Т о п о р к о в (Москва) сделал подробное сообщение об ономастике Олонцкого сборника заговоров XVII века. Как было показано в докладе, антропонимическое пространство сборника структурировано следующим образом: христианские персонажи (Христос, Богородица, называемые по именам святые) связаны с небом, а фольклорно-языческие — со сверхъестественным миром (остров или камень в океане) или же с традиционно "чужим" для народной культуры природным пространством (земля, река, лес).

В.Л. К л я у с (Москва) проанализировал бытующий у потомков старообрядцев ("семейских") Забайкалья цикл песен с

самым популярным и частотным женским именем в русской народной традиции — *Маша*. Исследователь подчеркнул, что в фольклорном дискурсе имя уже само по себе является как бы свернутым сюжетом или целым циклом сюжетов и мотивов, что, в частности, позволяет фольклористам в полевой работе использовать собственные имена в качестве приема напоминания о том или ином тексте при опросе информантов-исполнителей.

Об имени *Фома* в русских пословицах (*Фома* как одна из "масок" театра традиционной культуры; *Фома* как имя, приобретшее характер мифологемы — ср. "маски" *Семен* и *Макар*, описанные В.Н. Топоровым) сделал сообщение Ф.Н. Д в и н я т и н (Санкт-Петербург). Исходя из тезиса о билатеральности языкового знака в тексте, докладчик выделил несколько смысловых линий в богатой традиции этого имени, а также особо подчеркнул значимость анализа звуковой компоненты имени для полноценного его описания.

Е.Л. Б е р е з о в и ч (Екатеринбург) рассказала о топонимах как объектах этнолингвистического исследования. В докладе было выделено три группы топонимов, различающихся по характеру языковой манифестации этнокультурной информации: топонимы с легко прочитываемой культурной символикой, локализованной на уровне внутренней формы имени; названия, в которых культурная символика коннотирована и обнаруживается при изучении особенностей денотативной соотнесенности имени; наконец, имена, культурная семантика которых может обнаруживаться только при анализе всего корпуса топонимов, указывающих на типичную позицию называющего (номинатора) при ориентации в окружающем пространстве.

Закрывая обсуждение докладов, председатель Организационного комитета конференции Т.М. Николаева поблагодарила участников за интересные сообщения и выразила надежду на то, что сборник тезисов конференции положит начало большой коллективной монографии.

Е.В. Вельмезова (Москва)